

ставление о природе интерференции можно получить, лишь проанализировав в тесной связи эти два аспекта проявления интерференции (собственно лингвистический и экстралингвистический).

¹ Шыдлоўскі А. В. Пра фальшывых сяброў перакладчыка.—Полымя, 1970, № 3, с. 226.

Н. ДИАКИТЭ ПУТИ РАЗВИТИЯ ПОЛИСЕМИИ В БАМАНА И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В современном языкознании полисемичным называют слово, которое имеет несколько значений¹. Но данное определение не позволяет разграничить значения, найти их соотношения и, наконец, ответить на вопрос, сколько же значений может иметь слово. Различные словари, исходя из указанного понимания полисемии, по-разному представляют систему значений и оттенков употреблений одного и того же слова.

Приведенное определение многозначности основывается на понимании слова как основной единицы языка, которое, по мнению А. И. Смирницкого, «в действительности таковой не является, о чем убедительно свидетельствует тот факт, что в слове находится несколько лексико-семантических вариантов, т. е. лексем, имеющих различные значения, устанавливаемые путем интерпретации значимостей (различных форм) на семантическом уровне»². На самом деле, в лексеме форма (значимость) и содержание (значение) однозначно соответствуют друг другу. Многозначное слово содержит несколько различных единств формы и значения.

Ю. Д. Апресян видит «суть полисемии не в том, что одно звучание передает несколько значений, а в том, что в пределах одного слова, как и в лексической системе языка, формальным различиям соответствуют различия в содержании»³.

Сущность полисемии в языке бамана и в русском заключается в том, что какое-то название предмета, явления переходит, переносится на другой предмет, другое явление, в результате чего одно слово обслуживает в качестве названия одновременно несколько предметов, явлений. В зависимости от того, по какому признаку, на каком основании совершается этот перенос названия, различают четыре основных типа полисемии: **метафору**, **метонимию**, **синекдоху** и **перенос по общности функций**.

В обоих языках **метафора** — это перенос названия с одного предмета или явления на другой на основании их сходства по внешним (по форме, по характеру движения, по цвету и т. д.) или по внутренним признакам⁴. Метафорический перенос с одного предмета на другой по внешним признакам воспринимается как одно из образных и ярких переносных значений слов.

В языке бамана, как и в русском, простейшая метафора может строиться на сходстве формы двух и более предметов. Например: *kuḡu* — горб — 'уродливая выпуклость на спине человека и нормальная выпуклость у некоторых животных. 'Ср. *nyaaṁe ko kuḡu* — 'горб у верблюда'. Обозначает оно также и неровную поверхность, например: горбатый пол.

Многие метафоры построены на сходстве в расположении двух предметов по отношению к чему-то (чаще всего по расположению части по отношению к целому). Например, верхнюю, боковую, заднюю, переднюю или нижнюю часть каких-то разных предметов называют одним и тем же словом: *ku* — хвост — у животных это 'придаток (обычно подвижный) на задней части тела или вообще задняя суженная часть тела'. Ср.: *jeke ku* — рыбий хвост. *Ku* обозначает еще и заднюю

конечную часть чего-нибудь движущегося: rapkigun ku — хвост самолета. Bolo — рукав — 'часть одежды, покрывающая руку'. Например, doloki bolo — рукав рубашки. Слово bolo имеет и значение — 'ответвление от главного русла реки, преимущественно в ее устье'. Ср.: ba bolo — рукав реки.

Метафоры могут возникать на основе сходства по характеру движения. Например: jêkê — рыба — 'живущее в воде и дышащее жабрами позвоночное животное с конечностями в виде плавников и с кожей, покрытой чешуей'. Ср.: kokoji jêkê — морская рыба. Это же слово употребляется и для обозначения хорошо плавающего человека. Ср.: pi sêni yê jêkê yê jila — этот мальчик — рыба в воде. В обоих языках наблюдается метафоризация слов по сходству цвета предметов: fin — черный — 'цвета сажы, угля'. Например, banfula fin — черная шляпа и faga fin — черная кожа.

Из приведенных примеров видно, что материальное сходство (по форме, характеру движения, расположению и по цвету) бросается в глаза, однако в более сложных случаях метафора замаскирована. В языке бамана, как и в русском, существуют метафоры, построенные на основе сложных внешних признаков или качеств, их переноса из круга явлений, свойственных человеку, на мир неодушевленной природы и наоборот. Например, gingin — сова — 'хищная ночная птица с большими глазами и крючковатым клювом, которая охотится только ночью'. Совой называют также человека, который не спит по ночам. Ср. ne ka gingin bi kasila — моя сова (о ребенке) плачет. Слово siné — газель символизирует не только быстроту движения, но и употребляется для названия красивой, стройной, грациозной девушки. Как указано выше, в обоих языках метафора может строиться на основе сходства внутренних качеств между явлениями, между человеком и явлениями или животными.

Метафорические переносы наименований наиболее интенсивно затрагивают те группы лексики, которые связаны с определенным качеством или признаком животных и птиц. Например, wolo — куропатка — 'дикая птица из семейства куриных': wolo soko ka di — куропатка — вкусная птица. В языке бамана это слово употребляется и тогда, когда речь идет о хитром человеке: I kolosi Sêdu la, wolo do — осторожно с Сейду, он куропатка. В русском языке в этом же значении употребляется слово *лиса*.

Метафора может возникать на основании впечатлений, сложных ассоциаций, порожденных восприятием предметов или явлений. Например, бага — яд — 'вещество, вызывающее отравление, иногда со смертельным исходом'. Ср. sa бага — змеинный яд. В обоих языках это слово имеет также и переносное значение — 'злоба, ехидство, язвительность'. Ср.: pi kuma бага ka fari dē — сколько яду в его словах. Jirikuḡum — дубина — 'толстая, тяжелая палка'. Ср.: n'ta se ka jirikuḡum korota — не мог поднять дубину. В обоих языках эта лексема употребляется и для обозначения тупого, глупого человека, например: pi jirikuḡum pi bi mun fola? Что говорит эта дубина?

Метафора может возникать на основании отношений, обусловленных культурными, историческими и социальными причинами. Эти отношения могут быть отрицательными или положительными. Donnibaḡa — знаток, т. е. 'знающий дело'. Но в глазах суверенных крестьян это — 'колдун, тот, кто связан с дьяволом'.

Перенос названия по **общности функций** имеет много общего с метафорой, так как основан на сходстве, общности. Мы придерживаемся мнения, что перенос названия по общности функции должен рассматриваться как самостоятельный прием полисемии. Главное отличие метафоры от переноса по общности функции состоит в том, что метафорический перенос основан на сходстве материальной характеристики: цвета, формы, характера движения и т. п., т. е. совокупность непосредственно воспринимаемых органами чувств (особенно зрения) сходств то-

го, с чего переносится название, на то, куда это название переносится. При функциональном переносе общность не опирается на чисто материальное сходство: вещи могут быть совершенно разными по форме и по цвету и т. д. Объединяет их общность функции. Например: в языке бамана, как и в русском, *dep sen i li sen* — ножки ребенка и ножки кровати. Здесь не только внешнее, но и определенное функциональное сходство. Катап — крыло в прямом значении обозначает 'орган летания у птиц, насекомых, а также некоторых млекопитающихся', например: крыло совы соответствует в языке бамана *gingin katan*. В обоих языках это слово имеет и второе значение — 'несущая плоскость летательного или другого движущегося аппарата'. Ср.: *rankagun katan* — крылья самолета.

В бамана и русском нередки случаи и метонимичного возникновения многозначности слов. «**Метонимия** — это способ выражения, который можно охарактеризовать как перенос обозначения или, точнее, определить как подстановку одного слова вместо другого, связанного с ним либо по результату действия, либо по веществу предмета»⁵. Круг метонимии значительно шире, чем указано в определении Ж. Марузо. В своей работе мы придерживаемся точки зрения А. А. Реформатского, который пишет, что «метонимия — такой перенос названия, который совершается не на основании сходства внешних или внутренних признаков прежней вещи и новой, а на основании смежности, т. е. соприкосновения вещей в пространстве или во времени»⁶.

Действительно, при метафоре два одинаково называемых предмета, явления должны быть чем-то похожи друг на друга. При метонимии два предмета, явления, получающих одно название, должны быть смежными. В настоящей работе мы установили метонимическую связь в следующей семантической структуре: перенос названия по временной смежности и перенос названия по смежности, вызванный историческими и социальными причинами, т. е. сложные переносы названия пространственной смежности. В языке бамана, как и в русском, наблюдается перенос названия по пространственной смежности, в частности, смежности двух предметов, из которых один помещается внутри другого. Например: *kalanso* — аудитория в бамана, как и в русском, обозначает 'помещение для чтения лекций'. В сочетании же *kalanso puɛmajolen*, соответствующем русскому послушная аудитория, это слово употребляется в значении 'слушатели'.

Несколько сложнее метонимия, основанная на других типах смежности. Так, при временной смежности одно и то же слово называет не только процесс действия, но и результат этого действия, процесса. Например, когда мы говорим о питании человека, то довольно своеобразно относимся к терминам, относящимся к этой области. Ср.: слово *ɗutè* — чай имеет следующие значения: 1) южное растение (*ɗutè fogo* — плантации чая); 2) высушенные и обработанные листья этого растения (*ɗutè fura* — пачка чаю); 3) напиток, приготовленный из таких листьев (*ɗutè wèrè* — чашка чаю); 4) процесс чаепития (*ɗutè tẽmẽ nèko bè carinna* — после чая все разошлись). Словом *tilèlafana* — обед мы называем и набор кушаний, например, *tilèlafana na duman* — вкусный обед, и процесс приема пищи и время, в которое обычно происходит такой прием пищи: *bè sumanen kun do tilèlafana dun yorola* — обед прошел в молчании; *ka taa tilelafanala* — уехал в обед.

Переносы названия по смежности могут возникать по историческим или социальным фактам. Например, *jugu* — веревка, в своем основном значении совпадает с русским словом. Это 'изделие из крученых или витых в несколько рядов длинных прядей пеньки или материал, употребляемый для завязывания и других надобностей'. Например: *ka dopi sirì nì jugu uè* — завязывать багаж веревкой. Однако в языке бамана оно имеет и переносное значение 'долг', отсутствующее в русском. Сап — дождь в обоих языках обозначает 'атмосферные осадки в виде водяных капель'. Например, *saп be na* — идет дождь. В бамана у

этого слова возникло и переносное значение, которое отсутствует в русском: *san* (дождь) употребляется как обозначение возраста или года. Чтобы проникнуть в связь между значениями этого слова, надо просто понять, что основное занятие носителей этого языка было земледелие, поэтому для них вся жизнь связана с дождем. И каждый первый дождь — это начало нового года. Например, в русском говорят: сколько тебе лет? а бамана скажет: сколько дождей видел ты? *yè san joli yè?*

Несколько реже наблюдаются случаи **синекдохи**. Под синекдохой мы понимаем случай, когда «наименование целого заменяется названием отдельных его частей или наоборот»¹. Часто синекдоху не выделяют из метонимии, так как у них много общего. Мы считаем синекдоху самостоятельным видом полисемии. В основе синекдохи также лежит смежность, однако существенным отличием синекдохи является количественный признак соотношения того, с чего переносят наименование, и того, на что переносят наименование. Один член такого соотношения всегда будет больше, шире, более общим, другой — меньше, уже, более частным. Она, как и другие виды многозначности, является образным средством речи. Как и в бамана, в русском языке чаще наблюдается перенос названия с части на целое. Например, *da* — рот в словосочетании *da senyi*, соответствующем русскому «красивый рот», обозначает 'полость между верхней и нижней челюстями, имеющую отверстие в нижней части лица'. Но в выражении *da kelen farala jama kan* — в семье прибавился лишний рот обозначает «человека». Синекдоха возникает и на основе употребления родового названия вместо видового, при котором также наблюдается сужение значения: *pa gamafen* — оружие — 'совокупность средств, приспособленное, технически пригодное для нападения или защиты', а также обозначение всякого вида этих средств.

Как следует из наблюдений, в бамана и русском, принадлежащим к разным языковым семьям, прослеживаются сходные пути развития полисемии, что обусловлено единством психологических процессов. Различия же определяются особенностями культурно-исторических, общественных, природно-климатических и других факторов в жизни каждого народа.

¹ См.: Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. — М., 1960, с. 216. Аналогичное определение у Родзевича: Словник лінгвістичних термінів. — Київ, 1957, с. 127.

² Смирницкий А. И. К вопросу о слове: Проблема «тождества слова»./ Труды Института языковедения АН СССР. — М., 1954, т. IV, с. 47.

³ Апресян Ю. Д. О понятиях и методах структурной лексикологии: Проблемы структурной лингвистики. — М., 1962, с. 143.

⁴ См.: Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М., 1967, с. 77.

⁵ Марузо Ж. Указ. работа, с. 157.

⁶ Реформатский А. А. Указ. работа, с. 80—81.

⁷ Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика. — М., 1977, с. 101.

Б. Ю. НОРМАН, С. К. ОСИПОВА

ОБ ОДНОМ СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ТИПЕ БОЛГАРСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (прилагательные с префиксом *въз-*)

В современном болгарском языке четко выделяется группа прилагательных, образованных посредством префикса *въз-*, таких, как: *възстар* «староватый, довольно старый», *възчервен* «красноватый», *възголям* «великоватый» и т. п. Не будучи связаны непосредственно с важнейшими типологическими особенностями болгарского языка — с его аналитизмом и «балканизмом», — прилагательные на *въз-*, тем не менее, представляют собой специфический фрагмент словообразова-